

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦЕННОСТНОЙ ИЕРАРХИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Анна Баюжева

*Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»***Аннотации:**

Облик каждой эпохи, культуры и цивилизации во многом детерминирован иерархией ценностных приоритетов, которая не только мотивирует, но и регламентирует абсолютное большинство целевых ориентиров и способов их достижения. Наша современность не является исключением из сформулированного правила: она также не может обойтись без ценностного каркаса, который перманентно достраивается – причём, не только теоретико-концептуально, но и по большей мере спонтанно, интуитивно, по наитию. Впрочем, для теоретического обоснования важно не количество, а качество: даже одна убедительная концептуальная разработка способна стать мировоззренческим Евангелием – той благой вестью, которая оперативно упорядочивает хаос повседневной спонтанности, облагораживая индивидуальную и общественную жизнедеятельность смыслом и целью.

Баюжева Анна. Идентичність у ціннісній ієрархії сучасності.

Змістовний формат кожної епохи, культури й цивілізації багато в чому детермінований ієрархією ціннісних пріоритетів, яка не лише мотивує, а й регламентує абсолютну більшість цільових орієнтирів і способів їх досягнення. Наша сучасність не є винятком зі сформульованого правила: вона також не може обійтись без ціннісного каркасу, який перманентно добудовується, причому не тільки теоретико-концептуально, а й здебільшого спонтанно, інтуїтивно, інстинктивно. Утім, для теоретичного обґрунтування важлива не кількість, а якість: навіть одна переконлива концептуальна розробка здатна стати світоглядним Евангелієм – тією благою звісткою, яка оперативно впорядковує хаос повсякденної спонтанності, облагороджуючи індивідуальну й суспільну життєдіяльність змістом і метою.

Bayuzheva Anna. Identity in the modern hierarchy of values.

The outlook of each era, culture and civilization in many respects are determined by the hierarchy of value priorities that not only motivate but also regulate the vast majority of targets and ways in order to achieve them. Our modernity is not an exception to the formulated rule: it also can not dispense with out the framework of values that is permanently being completed – moreover, not only theoretically and conceptually but, to some degree, more spontaneously, intuitively and instinctively. However, for the theoretical foundation «quality is much more important than quantity»: even a single convincing conceptual development may become a philosophical gospel – the good news that quickly organizes the chaos of everyday spontaneity ennobling the individual and social life with meaning and purpose.

Ключевые слова:

идентичность, ценностная иерархия, генезис, концептуальные приоритеты, субъект, личность.

ідентичність, ціннісна ієрархія, генезис, концептуальні пріоритети, суб'єкт, особистість.

identity, value hierarchy, genesis, conceptual priorities, subject, personality.

Глобализация расширяет возможности социального развития индивида, а идентичность как свойство сохранять сущностную целостность и осознавать принадлежность к общностям в условиях нестабильности становится одним из важнейших факторов реализации личностного потенциала. Возрастающий интерес к метаморфозам идентификации объясняется тем, что идентичность является также индикатором оценки особенностей поведения в различных областях жизнедеятельности общества [8, с. 32–33].

В периоды социальных трансформаций существенных изменений претерпевает характер и направленность идентичности, а также механизмы ее формирования. Одним из значимых условий, опосредующим действие механизмов формирования идентичности, является глобализация. Аспектами, оказывающими наибольшее влияние на идентичность и процесс ее формирования, является глобальная унификация образа жизни, эрозия самобытности и национального своеобразия, отрицание значимости национальных и этнических особенностей [4, с. 122].

Под наибольшим прессингом динамики глобальных изменений оказывается национально-культурная идентичность, которая представляет собой сложный, многокомпонентный феномен,

результат осознанного самоотнесения к социальным группам на основе таких признаков, как национальность, культура, религия, государственная, политическая и территориальная принадлежность, а также принятие свойственных им норм, ценностей и моделей поведения [6, с. 49–50].

Теоретическая актуальность работы определяется недостаточной разработанностью смысловых особенностей и противоречий идентичности. В частности, требует дальнейшего изучения вопрос социально-психологических особенностей идентичности личности, взятых в конкретно-исторической ситуации, а также аспект детерминации социального познания и факторов, которые его определяют.

Каждый человек по-своему воспринимает, понимает, интерпретирует и прогнозирует действительность на основе индивидуального опыта. Способы, при помощи которых он интерпретирует и конструирует окружающий мир и самого себя, также носят индивидуальный характер. Одним из наиболее важных для понимания сущности социального познания является способ протекания интеллектуальной деятельности человека, т. е. когнитивные стили как более или менее устойчивые способы применения познавательных навыков,

определяющих особенности познания физического и социального миров.

У каждого человека существует определенный стереотипный алгоритм видения мира и себя в мире. По мнению Дж. Келли, эта «мировоззренческая рамка» во многом определяет способы (стили, инструментарий) мировосприятия и жизнепреодоления. И в каждой такой «рамке» мы находим отражение выработанных совокупным социальным опытом категорий, используемых человеком для построения своего Я.

Анализ различных аспектов проблемы идентичности представлен широким спектром социальных теорий и исследований (Г. Брейкуэл, А. Ватерман, И. Гоффман, У. Джемс, Дж. Марсия, Дж. Мид, Дж. Тернер, А. Тэджфел, Ю. Хабермас, Р. Харре, Т. Хиггинс, К. Хорни, Э. Эриксон и др.). Однако приходится признать, что большое количество исследований не привело к чёткому пониманию сущности идентичности личности и ее детерминант. Скорее, наоборот – в противовес известному принципу Оккама «не умножать сущности сверх необходимого», такое нагромождение лишь затрудняет понимание [19, с. 82–83].

Большинство авторов определяют Я-концепцию (самосознание, схему Я) как представление о себе или как совокупность частных представлений о себе, образов Я, самооценок. Идентичность рассматривается интегрирующим эти самооценки началом, некоей основой, на фундаменте которой концентрируются представления о себе. Мы исходим из того, что понятия Я и идентичность взаимозаменяемы, что они обозначают целостность и непрерывность личности. Впрочем, остается недостаточно разработанной категория когнитивных стилей.

Теоретическую основу исследования составляют холистический, гуманистический и экзистенциальный подходы к исследованию личности (примером и иллюстрацией могут послужить работы К. Юнга, Г. Оллпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, В. Франкла). Однако основными методологическими положениями исследования самоопределения личности остаются принципы системности, развития, детерминизма, диалектичности, изоморфизма внешнего и внутреннего, мировоззренческой и аксиологической активности личности.

Традиционно выделяют следующие подходы к рассмотрению проблемы идентичности: психоаналитический, бихевиористический, когнитивный, деятельностный, символического интеракционизма. Значительное внимание проблемам идентичности уделяется в русле социального конструктивизма.

Опираясь на взгляды Х. Херманса, Е. Шильштейн проанализировала эволюцию взглядов на Я как на смену ключевых метафор. Она выделила шесть основных подходов: 1) Я как идентичность, 2) Я как сознательная часть личности, 3) Я как система интериоризированных оценок значимых других, 4) Я как часть опыта, 5) Я как повествование, 6) Я как диалог. У. Джемс настаивал на необходимости размежевания Я на: 1) познаваемое (Я как объект), которое представлено феноменологически и включает в себя материальное, социальное, духовное Я, 2) познающее (Я как субъект). Основоположники символического интеракционизма Ч. Кули и Дж. Мид сформулировали представление о зеркальной природе Я, т. е. о генерировании Я путем интериоризации оценок окружающих людей.

В психоаналитическом направлении (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер) Я рассматривается как целостный элемент системы личности, как взаимодействие психических процессов личности (З. Фрейд), как ее сознательная часть (К. Г. Юнг), как развивающееся в процессе индивидуации Эго (А. Адлер). Эти взгляды получили дальнейшее развитие в Эго-психологии (А. Фрейд) и теории объектных отношений (М. Кляйн, Д. Винникот, Г. Кохут). Под влиянием идей Дж. Мида и У. Джемса возникло понятие Я как идентичности, которое обычно связывают с концепцией Э. Эриксона. В русле этого подхода наличие идентичности означает интериоризацию социальных ролей и моделей поведения, возникшие путем переработки оценок окружающих людей. Идентичность связывается с чувством самотождественности, что обуславливает необходимость содержательной дифференциации понятий «содержание идентичности» и «чувство идентичности».

Приходится констатировать отсутствие чёткой дифференциации таких понятий, как Я, Я-концепция, самость, самосознание и идентичность. Необходимо обозначить основные различия в их понимании. В частности, Э. Эриксон полагал, что идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, а также на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими. Он выделил различные оттенки определения этого понятия, которое относится и к сознательному чувству индивидуальной уникальности, и к бессознательному стремлению к непрерывности опыта, и к солидарности

с групповыми идеалами. Э. Эриксон использует термин «идентичность» в различных значениях: как осознанное чувство индивидуальной идентичности, как бессознательное стремление к последовательности личного характера, как критерий деятельности Эго-синтеза [17, с. 70–71].

Согласно Дж. Миду, идентичность связана со способностью человека относиться к себе рефлексивно. Это способность человека воспринять свое поведение и жизнь как единую, взаимозависимую целостность. А. Тэджфел и Г. Брейкуэл рассматривали идентичность в качестве когнитивной системы, исполняющей роль регуляции поведения. Согласно Дж. Тернеру, элементы системы идентичности формируются в результате самокатегоризации (отнесения себя к той или иной социальной категории). В понимании Р. Бернса идентичность является синонимом Я-концепции.

Х. Ремшмидт, рассматривая соотношение «Я-концепции» и идентичности, различал «Я» и «самость». Под «Я» он подразумевает организованную систему взглядов, установок и мотивов, составляющих основу личности и обуславливающих её неповторимость, тождественность самой себе; под «самостью» – совокупность индивидуальных восприятий и воспоминаний. С его точки зрения, «Я-концепция» – это абстрактное выражение всех существенных признаков самости в представлении самого человека и окружающих. Идентичность означает осознание тождественности самому себе, непрерывности во времени собственной личности и связанное с этим ощущение, что другие также признают это. Х. Ремшмидт указывает на различия между идентичностью и «Я-концепцией»: «Я-концепция» – это теория самого себя, установка относительно собственной личности. Она зависит от изменений социального окружения и общественных отношений и более изменчива, чем идентичность.

Родственным понятию идентичности является понятие Я – результат выделения человеком самого себя из окружающей среды. Оно позволяет ощущать себя субъектом жизнедеятельности и межличностных отношений, осознавать свою целостность и тождественность с самим собой, производить существенную демаркацию Я от не-Я [11]. Трудности определения понятия идентичности можно связать с ее двойственной природой: с одной стороны, это способ поведения, с другой, – чувство самотождественности, связанное с репрезентацией Я. Идентичность связана не только с пониманием того, «кто Я?», но и с тем, как «Я должен жить». Поэтому

необходимо различать чувство идентичности и содержание идентичности.

Идентичность наиболее близка к понятию Я. Оба эти понятия включают в себя понятия «самосознание» и «Я-концепция». Что касается Я-концепции, то это понятие является совокупностью частных представлений о себе, образов Я, самооценок. Идентичность же интегрирует эти представления, обеспечивая их непротиворечивость. Понятия Я и идентичность синонимичны в том смысле, что они обозначают целостность и непрерывность личности. Существует направление, рассматривающее Я как самоповествование (И. Гоффман). Этот подход основан на том, что Я возникает в тот момент, когда человек начинает тем или иным способом рассказывать о себе и строить свою жизнь в соответствии с сюжетом такого рассказа [4, с 34–35]. Ещё один концептуальный подход рассматривает Я в качестве эффекта дискурса (К. Герген, Х. Херманс). Способом обнаружения Я является нарратив – интерпретация, повествование.

Во всяком случае, становление идентичности является результатом самоопределения личности – нахождения смыслов жизни посредством активного диалога в сферах «Я/Я», «Я/Другой» («Я/Ты»), «Я/Мир».

Мировоззренческая активность личности – это жизненный потенциал, требующий реализации. К. Абульханова полагает, что активность личности как субъекта самоопределения проявляется в постоянном разрешении противоречий между потребностями и возможностями (условиями их удовлетворения). Однако не всякая активность личности, направленная на решение противоречий, является самоопределением. Этот процесс, определяющий осознание своей сущности, проявляется в осуществлении наиболее сложных, противоречивых, проблемных отношений личности.

Существенным качеством личности является целостность, которая предполагает не только гармонию и упорядоченность, но и определённую противоречивость субъекта как активного элемента развивающихся систем. Важным атрибутом личности следует признать способность к развитию и саморазвитию, к осуществлению самоопределения и самоидентификации.

Стремление к самосовершенствованию актуализирует аспект не «кто», а «становиться». Субъект – это качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. Если субъект – функциональная характеристика человека, то личность – характеристика содержательная.

Субъектом самоопределения может быть как индивид, так и личность. Поскольку понятие индивида отражает видовую принадлежность субъекта и не определяет отношений человека в социуме, то наиболее приемлемым и адекватным для обозначения субъекта самоопределения является понятие личности. Личность априори содержит и содержательные, сущностные характеристики субъекта, и указание на сферу взаимодействия человека с внешним миром, с системой общественных отношений, субъектом которых она является. По мнению А. Брушлинского, личность – более узкое понятие по сравнению с субъектом, она есть субъект социальных отношений и сознательной деятельности. Впрочем, с этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, поскольку далеко не каждая субъектность априори содержит личностную составляющую, личностный стержень, личностный интеграл, детерминирующий особенности и закономерности жизнедеятельности индивида.

Во всяком случае, в личности так или иначе происходит совмещение субъектного и социального, что и обуславливает её некоторую противоречивость, точнее – двойственную качественную определенность. На развитие личности влияют многие аспекты взаимодействующей с ней социальной действительности, в частности идеологическая и ценностная сферы общественной жизнедеятельности, статусные аспекты межличностных взаимоотношений и т. п. [18].

Субъектность личности напрямую зависит от функционирования самосознания. Однако, как подчеркивает С. Рубинштейн, личность не идентична ни сознанию, ни самосознанию, а является конкретно-историческим индивидом, взаимодействующим опять же с конкретно-исторической действительностью. С возникновением самосознания личность начинает функционировать как субъект жизнедеятельности со сформированным отношением к внешнему миру. В понимании М. Бахтина, цель личности заключается в осуществлении своего предназначения через осознание себя и своей уникальности как ценности, значимости. Аналогичный содержательный акцент в отношении телеологии личности содержится в работах Р. Ассаджиоли, Д. Леонтьева, А. Маслоу, Г. Оллпорта, К. Роджерса, К. Г. Юнга. Личность – это развивающаяся система, динамика которой отражает стремления, потребности и возможности индивида. Базовыми механизмами развития личности являются процессы интериоризации и экстериоризации.

Во времена античности и средневековья идентичность не была проблематизирована в качестве социального феномена. Идентичность рассматривалась как некий результирующий эффект. В зависимости от мировоззренческих предпочтений статус детерминанты этого эффекта был закреплён либо за Богом, либо за Космосом, либо за Обществом, либо за Природой, либо являлся симбиозом нескольких факторов. Различные школы традиционной философии отдавали предпочтение различным сущностям как субстанциям, носителям идентичности. В качестве одного из определяющих свойств такой сущности традиционная философия выделяла её самотождественность самой себе в различные моменты времени, что обеспечивает единство индивида в его персональной истории [12].

С позиций логики понятие «идентичность» тесно соотносится с понятием «тождество» – соответствием предметов друг другу по критерию некой совокупности свойств. Версия идентичности Ф. Шеллинга – это «непосредственно данная и самоочевидная в непосредственности познающего сознания, данная в прозрачности мира для познающего субъекта и прозрачности последнего для самого себя» [15, с. 65]. В дальнейшем осознание своеобразия человека нашло отражение в анализе соотношения «Я» и «не-Я» И. Г. Фихте, а также в идее С. Кьеркегора об ответственности жизненного выбора, о реализации себя тем, кто ты есть. Эти мировоззренческие акценты предопределили экзистенциалистское фокусирование проблемы идентичности на личности, на аутентичности, подлинности человеческого бытия.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «в обществах с очень простым разделением труда и минимальным распределением знания социализация производит социально предопределённые и в высокой степени профилированные идентичности. Так как каждый индивид сталкивается, по существу, с одной и той же институциональной программой для своей жизни в обществе, то на каждого индивида ложится примерно один и тот же вес всей силы институционального порядка, что придает интернализируемой объективной реальности принудительную массивность. Поэтому в такой системе координат практически невозможно возникновение проблемы идентичности. Вопрос: «Кто я такой?» не возникнет» [10, с. 264].

Проблематизация идентичности, рассмотрение её в качестве философской проблемы связаны с усложнением структуры социальных отношений при переходе от традиционного общества к индустриальному.

В ситуации смены относительно простых структур личной зависимости более сложной системой зависимости индивидов друг от друга индивиды оказались в ситуации кризиса идентичности, который обусловлен трудностями самоопределения и самоописания. Усложненная структура социальности предопределила существование индивида сразу в нескольких социальных измерениях. Человек оказывался в ситуации, когда регулярно приходилось играть несколько социальных ролей, каждая из которых – социально обусловленный стереотип поведения, подразумевавший автономный способ самоидентификации.

В «Социальном конструировании реальности» П. Бергер и Т. Лукман по этому поводу писали: «Растет общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как один из миров, а не как единственный Мир. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыгрывать» под манипулятивным контролем» [10, с. 277]. Эта особенность предопределила кризис системы самоопределения, предельно обострив необходимость поиска того основания, которое позволяет индивиду оставаться самостождественной личностью, одной и той же в различных социальных реальностях. Дж. Локк аргументированно увязывал идентичность с ответственностью за собственные поступки. Вскоре эта теоретическая линия была развита Д. Юмом, обосновавшим тезис об обусловленности идентичности не «изнутри» (т. е. не из «самости») человека, а «извне», из общества, а функции основных детерминант выполняют стереотипы, репутация и социальный статус [16, с. 367].

Иной концептуальный подход к интерпретации идентичности связан с пониманием её в качестве индивидуализирующего начала, обеспечивающего неповторимость единичного перед лицом всеобщего. Этот мировоззренческий акцент связывают с именем Г. Лейбница, который, по мнению Ю. Хабермаса, продемонстрировал, что «каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом» [14, с. 157].

Несмотря на очевидные различия между двумя подходами, они солидаризировались в вопросе о едином основании самостождественной личности. Таковым основанием классическая философия определила

самостождественное сознание, осознающее собственное единство. Дж. Локк об этом писал так: «Одну и ту же личность образует не одна и та же субстанция, а одно и то же непрерывное сознание» [9, с. 16]. Таким образом, персональная идентичность – это идентичность разума самому себе во всех актах сознания. Иными словами, индивид идентичен собственному разуму, реализующему на практике способность к определенному виду «нормативного» мышления и действий на его основе.

Усложнение и ускорение ритма социальной реальности вместе с отчуждением социальных отношений привели к кризису идентичности, который был осмыслен в рамках различных школ постклассической философии. Отличительной чертой этих рефлексий являлась попытка отыскать хоть и отличную от разума, но всё же поддающуюся рационализации универсальную сущность, которая могла бы выступить заменителем самосознания в качестве основания, обеспечивающего единство индивида. Помимо этого проблематизации подвергся аспект обнаружения социальных предпосылок формирования образа себя и механизмов самоидентификации.

Сущность концептуальных разночтений можно сформулировать таким образом: каков действительный статус индивида, кем человек является на самом деле – пассивным объектом, реципиентом внешних репрезентаций либо же мировоззренчески и интеллектуально суверенным, деятельным, инициативным и творческим субъектом социокультурной жизнедеятельности? В зависимости от ответа на этот вопрос мы имеем дело с парадигмально несовместимыми версиями идентичности, мировосприятия и жизнепреодоления [1, с. 27–28].

Нашему современнику присуще расщепление на множество идентичностей, которые он никак не может привести к «единому знаменателю»; он использует так много «масок», что уже забыл (или потерял) своё истинное «лицо» [5, с. 94–95]. В суетной повседневности растворяется сама инстанция «Я» как гарант тождественности человека самому себе. Реальные очертания обретает странное человеческое существо – «человек без Я», без личностного и содержательного центра [2, с. 77]. В этой ситуации даже эксцентризм оказывается вымышленным, симулированным, поскольку он возможен лишь при наличии (знании, осознании) центра.

Насколько уместно и правомерно в ситуации конфликта и хаоса идентичностей употребление понятия идентичности, одним из смыслов которого является обеспечение человеческой самостождественности? Не является ли такое

употребление абсурдом или «пародией на идентичность» (М. Фуко)? Вероятно, следует говорить не столько об идентичности как более-менее устоявшемся статус-кво, сколько о некоем «плавающем» и «ускользающем» процессе (процессах) идентификации.

Идентификацию современного человека выразительно характеризует такое умозаключение: «Человек запутан зеркалами симулякров, в которых личность (идентичность) теряется во множестве отражений, теряется перед отражением своей полиидентичности, отражающей чарующий политеизм человека – не столько многобожие, сколько многочеловечие: многие неуловимые, мимолетные лики и отблески того единого (человека), что может быть (если не быть, то притвориться) многим» [13, с. 322].

Такой человек – «существо без Я», полиидентичный – во многом оказывается

потерянным, лишённым содержательно-смыслоязыненной почвы под ногами. Потеря самого себя – выразительный симптом патологии идентификации современного человека. Классическое самоощущение человека, нашедшего экзистенциальную опору в собственном «Я» (*cogito* Р. Декарта), уступило место диаметрально противоположному императиву: сущность меня – в моей недостоверности. То, что в ситуации потерянности и расщепленности человека мы продолжаем осмысление человека в терминах идентичности, является весьма ироничным [3, с. 80]. Чтобы в этой двусмысленной ситуации философии окончательно не потерять лицо, необходимо либо следовать канонам здравого смысла в вопросе определения сущностных признаков идентичности, либо, по меньшей мере, прекратить обозначать идентичностью то, что является её содержательным антиподом.

Список использованной литературы

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. — СПб. : Алетей, 2000. — 272 с.
2. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в зарубежной социальной психологии / Н. В. Антонова. — М. : Мир России, 1995. — 223 с.
3. Виртц У. Жажда смысла : Человек в экстремальных ситуациях / У. Виртц, Й. Цобели ; пер. с нем. — М. : Когито-Центр, 2012. — 328 с.
4. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гоффман. — М. : Канон-пресс, 2000. — 304 с.
5. Дмитриева Н. В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности : монография / Н. В. Дмитриева, О. В. Дубровина. — Ишим : Изд-во Ишимского гос. пединститута, 2010. — 198 с.
6. Заковоротная М. В. Идентичность человека : социально-философские аспекты. — Ростов-на-Дону : Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. — 200 с.
7. Короленко Ц. П. Идентичность в норме и патологии / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. — Новосибирск, 2000. — 256 с.
8. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании / Д. А. Леонтьев // Психологическое обозрение. — 1998. — № 1. — С. 35—48.
9. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1985. — Т. I. — 445 с.
10. Лукман Т., Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Т. Лукман, П. Бергер. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
11. Мамардашвили М. К. Необходимость себя / М. К. Мамардашвили. — М. : Лабиринт, 1996. — 430 с.
12. Трубина Е. Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема : автореф.

References

1. Abels, H. (2000). *Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretive sociology*. SPb. : Aletheia [in Russian].
2. Antonov, N. V. (1995). *The problem of personal identity in foreign social psychology*. Moscow : Russian Mir [in Russian].
3. Wirtz, W. (2012). *Thirst for meaning: Man in extreme situations*. Moscow : Kogito-Tsentr [in Russian].
4. Goffman, E. (2000). *Presentation of Oneself in everyday life*. Moscow : Canon Press [in Russian].
5. Dmitrieva, N. V. (2010). *Addictive identity of a virtually dependent personality*. Ishim : Publishing House of the Ishim State Pedagogical Institute [in Russian].
6. Zakovorotnaya, M. V. (1990). *Human identity : social and philosophical aspects*, Rostov-on-Don : Publishing House of North Caucasus Scientific Center of Higher School [in Russian].
7. Korolenko, Ts. P. (2000). *Identity in health and disease*. Novosibirsk [in Russian].
8. Leontiev, D. A. (1998). Valuable representation in individual and group consciousness. *Psychological Review*. 1, 35–48 [in Russian].
9. Lock, J. (1985). *Works in 3 Vol., V.1*, Moscow : Mysl' [in Russian].
10. Lukman, T., Berger, P. (1995). *Social Construction of Reality*. Moscow : Medium [in Russian].
11. Mamardashvili, M. K. (1996). *Necessity of oneself*. Moscow : The Labyrinth [in Russian].
12. Trubina, E. G. (1996). *Personal identity as a social and philosophical problem*. Ekaterinburg [in Russian].
13. Fokin, S. L. (1994). *Comments In : Tanatografiya of Eros : Georges Bataille and the French idea of the mid-twentieth century*, SPb. : Mithril [in Russian].
14. Habermas, Yu. (1995). *Democracy. Mind. Morality*. Moscow : Academy [in Russian].
15. Schelling, F. (1989). *Compositions : in 2 Vol.* Moscow : Mysl' [in Russian].

- дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 «История философии» / Е. Г. Трубина. — Екатеринбург : б. и., 1996. — 48 с.
13. Фокин С. Л. Комментарии / С. Л. Фокин // Танатография Эроса : Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : Мифрил, 1994. — С. 320—334.
14. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. — М. : Академия, 1995. — 650 с.
15. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Шеллинг. — М. : Мысль, 1989. — 690 с.
16. Юм Д. Сочинения: в 2-х т. / Д. Юм // Трактат о человеческой природе. — М. : Мысль, 1965. — Т. 1. — 450 с.
17. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис / Э. Эриксон ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1996. — 344 с.
18. Яницкий М. Г. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. Г. Яницкий. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. — 204 с.
19. Rogers C. R. *Away of being* / C. R. Rogers. — Boston : Houghton Mifflin, 1980. — 219 p.
16. Hume, D. (1965). *Compositions : in 2 Vol.*, Moscow : Mysl' [in Russian].
17. Erikson, E. (1996). *Identity : Youth and Crisis*, Moscow : Progress [in Russian].
18. Janitski, M. G. (2000). *Valuable orientations of the person as a dynamic system*. Kemerovo [in Russian].
19. Rogers, C. R. (1980). *Away of being*. Boston : Houghton Mifflin [in English].

Сведения об авторе:**Баюжева Анна Александровна**

warrier1@ukr.net

Национальный технический университет Украины

«Киевский политехнический институт»

пр-т. Победы, 37, г. Киев, Киевская обл.,

03056, Украина

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i8.1454>*Поступила в редакцию: 13.07.2016 р.**Принята к печати: 25.08.2016 р.***Information about the author:****Bayuzheva Anna Oleksandrivna**

warrier1@ukr.net

National Technical University of Ukraine

"Kyiv Polytechnic Institute"

37 Peremoha Av., Kyiv, Kyiv region, 03056, Ukraine

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i8.1454>*Received at the editorial office: 13.07.2016.**Accepted for publishing: 25.08.2016.*